

Новая Польша 11/2015

0: ГЛАВНОЕ ДЛЯ ПОЛЯКОВ — ЗДОРОВЬЕ И СЕМЬЯ, А ЛИШЬ ПОТОМ ДЕНЬГИ

Подавляющее большинство поляков все жизненные успехи приписывают себе, а не кому-то другому и уж точно не власти. С властью поляки ни в коем случае успехами не делятся.

— Не могу удержаться, чтобы не спросить — вы счастливый человек?

— Состоявшийся.

— Последние опросы «Социального диагноза» свидетельствуют, что поляки чувствуют себя счастливее, чем год назад, или же эти показатели означают, что за последний год увеличилось число счастливых и довольных своей жизнью поляков?

— И то и другое. Потому что мы в «Социальном диагнозе» проводим панельные исследования, то есть возвращаемся со своим опросом к значительной части тех же людей, которых опрашивали ранее, и видно, что у них этот индикатор счастья тоже вырос. Но, вне зависимости от этого, всякий раз мы проводим исследование по дополнительной выборке, и можно сказать, что во всех этих исследованиях 2013 и 2015 годов замечен несомненный рост процента счастливых людей.

— Чем объясняется такое улучшение самочувствия поляков?

— Здесь мы можем лишь выдвигать гипотезы. По моему мнению, оно объясняется тем, что поляки обрели уверенность в себе. Тот, кто уверен, что добьется успеха в различных условиях и во всяких ситуациях, воспринимает трудности как вызовы, не очень-то их боится, в результате, если, конечно, он активен и не сидит сложа руки, у него растут доходы, он лучше заботится о своем здоровье, у него удачно складываются социальные отношения как с ближайшим, так и с дальним окружением. Иными словами, все эти положительные эффекты, если можно так сказать, являются в данном конкретном моменте результатом состояния духа.

— Тогда копнем глубже — почему же поляки чувствуют себя увереннее?

— Во-первых, это связано с некой суммой разного рода жизненных успехов. Это работает в какой-то степени по принципу самоисполняющегося предсказания. Если прошедший год был для меня удачным, мое психическое состояние улучшается, я смелее смотрю вперед, сосредотачиваясь не на угрозах, а на вызовах. В следующем году я справляюсь еще лучше. Ну и если собрать все эти успехи поляков, начиная с середины 90-х годов, то не удивительно, что мы имеем дело с обществом, члены которого, правда, пока еще не способны к сотрудничеству друг с другом, зато поодиночке добиваются всё больших успехов. Поляки — это по-прежнему множество монад, но таких монад, которые всё лучше обеспечены ресурсами разного рода, позволяющими им двигаться вперед. Этому, конечно, способствует структура экономики, так как она не требует никакого сотрудничества. Приходит инвестор и нанимает людей вворачивать шурупы. На конвейере никто ни с кем не сотрудничает. Но этот прекрасный золотой век может и закончиться: когда, например, вырастут заработки, иначе говоря, стоимость рабочей силы, инвесторы не столь охотно повезут к нам свои сборочные конвейеры, как это было до сих пор. Тогда окажется, что неспособность сотрудничать — это черная дыра, в которую все мы можем провалиться, когда закончится, к примеру, нынешняя финансовая перспектива Европейского союза, и к нам перестанут бурным потоком литься деньги, которые тоже позволяют раскручивать различные инвестиции, скажем, в инфраструктуру. Строительство нескольких десятков километров автострადы — это привлечение, как минимум, нескольких тысяч работников. Колесо фортуны для Польши пока крутится с неплохой скоростью, мы поодиночке находим свое место в этой полосе удач и пользуемся моментом. Одним словом, все хорошо, но прогнозы меня не радуют.

— Показывает ли «Социальный диагноз» также то, что для нас важно? Насколько важны деньги, работа, семейные и дружеские отношения?

— Несомненно, самое важное — это здоровье, оно далеко опережает все остальные ценности. Следующие места занимают брак, дети, затем работа, а уже потом деньги.

— Это интересно, ведь последние тенденции показывают, что молодежь не хочет заключать браков, живет в партнерских союзах, да и детей не хочет.

— Дело в том, что мы можем высоко ценить удачный брак, но при этом бояться брака, считая, что он может быть неудачным. Есть разные причины, по которым именно эти, высшие ценности, не всегда реализуются в жизни.

— Интересно сопоставить ваши данные, из которых следует, что поляки довольны своей жизнью, с тем, что говорят политики. Например, вопреки рассказам политиков, «Диагноз» показывает, что в Польше нет голодных детей. Есть недоедающие, которых не более 85 тысяч, и их число уменьшается. Так откуда политики берут свои истории?

— Видимо, из очень устаревших данных, потому что процент крайне бедных семей действительно вырос в 2013 году и удерживался на относительно высоком уровне в 2014. Но с того времени многое изменилось. В связи с ростом благосостояния польских семей, а у бедных оно росло быстрее, чем у богатых, огромному количеству этих, в прошлом крайне бедных, людей удалось отбиться от дна, перевести дыхание и, по крайней мере, обеспечивать семью питанием. Оказывается, благодаря такому росту доходов, у поляков не только стало больше денег на еду, но появилось настолько много средств, что растет группа домашних хозяйств, которые в состоянии откладывать часть денег, а не проедать все, тратя на текущие расходы. Это заметно по разным индикаторам, но совокупный показатель — признание домохозяйств, что постоянных доходов достаточно на удовлетворение текущих потребностей. 22 года тому назад таких домохозяйств было всего 26%, а теперь их 81%.

— Но 19% заявляют, что их доходы не позволяют удовлетворять текущие потребности.

— Всего 19%. Но ведь нельзя делать вывод, что целых 19% домохозяйств испытывают какую-то крайнюю нужду или им не хватает на еду. В общем и целом — и это мой призыв к политикам — пожалуйста, не надо говорить о голоде в Польше. В Польше нет голода.

— Диагноз звучит оптимистически, ведь и национальный доход на душу населения вырос на 10%. Как Вы уже упомянули, разрыв между самыми богатыми и самыми бедными постоянно сокращается. Но если всё так хорошо, то почему всё так плохо, почему люди задумываются об экономической эмиграции?

— Семь процентов заявляют, что в течение двух ближайших лет собираются эмигрировать ради заработка, однако, по нашим расчетам на основании данных предыдущих опросов, это намерение реализуют от силы 3%. А если мыслить реалистически, таких будет не более 2%. Неправда, что вся Польша перебирается в Германию или другие богатые страны Евросоюза. Конечно, выезжает всё больше тех, кто должен быть для нас наиболее ценен, то есть высококвалифицированные, очень целеустремленные, предприимчивые молодые люди. Но ведь именно они и не могут найти себе здесь, в нашей подражательной экономике и занимающейся монтажом промышленности, достойного места работы. Они ищут, но где же такой институт, в котором они могли бы дружной командой разработать какую-то новую модель мотоцикла, трамвая или чего-либо еще? Таких мест в Польше кот наплакал. Мы можем, конечно, похвалиться такими компаниями, как «Песа», «Солярис», «Новый стиль»